

Номинальное право в Советской России: Конституция 1924 г. и Гражданский кодекс 1922 г.

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-4011-5932
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Обсуждается проблема институционального устройства в РСФСР после завершения Гражданской войны и в начальный период восстановления экономической жизни. Необходимым условием для устойчивого экономического развития в это время было принятие кодифицированных законов, включая Гражданский кодекс. Но правовая система тогда носила в значительной мере номинальный характер, что выражалось в противоречии многих ее норм Конституции 1918 г. и их выборочном применении. Гражданский кодекс 1922 г. включал ряд положений, которые впоследствии послужили ограничениями развития народного хозяйства. В нем не содержалось гарантий равноправия форм собственности, сохранялись монополия внешней торговли и концентрация в руках государства большей части национального богатства. Одновременно разрешались отдельные элементы частной собственности и свободы сделок. Сделан вывод о том, что созданная в тот период правовая система не предполагала практически никаких ограничений на деятельность властей и, тем самым, не соответствовала идее правового государства, что имело серьезные социально-экономические и политические последствия.

Ключевые слова: Конституция; Гражданский кодекс; правовое государство; судебная система; государственная собственность; частная собственность; концессии; новая экономическая политика, правовой нигилизм, РСФСР

После окончания Гражданской войны в России начался процесс институционального строительства нового государства. Предшествующий период чрезвычайного положения необходимо было завершить и приступить к нормализации жизни в соответствии с писаными правилами. Потребность в них диктовалась, помимо прочего, провозглашением новой экономической политики. Революция – это разрыв правовой преемственности, что означало, что все ранее действовавшие законодательные акты потеряли силу и страна формально управлялась декретами ВЦИК и решениями советов различного уровня, которые объединяли

все три ветви власти¹, а также военными администрациями. Реальная же власть принадлежала партийным структурам и чрезвычайным внеконституционным органам – ревкомам всех уровней.

К тому времени в РСФСР продолжала действовать Конституция 1918 г., но законодательства как такового не было. Только в 1922 г. были приняты Гражданский, Уголовный, Земельный и иные кодексы. Но партийное и советское руководство страны не озаботилось соответствием кодифицированных законодательных актов действовавшей Конституции, что лишний раз подчеркивает номинальный характер права в Советской России. Только в 1924 г. была принята Конституция СССР.

При этом следует помнить, что реальное правоприменение существенно отличалось от действовавших писаных законов. Один из ведущих исследователей конституционного права в СССР А. Н. Медушевский писал: «Для определения специфики советской правовой системы (и ее аналогов) нами было введено понятие номинального конституционализма – системы, где конституционная норма вообще не действует реально, юридические гарантии прав и свобод не могут быть осуществлены, а власть полностью бесконтрольна» [Медушевский, 2017. С. 28]. Более того, он отмечал, что сам законодательный процесс преследовал иные цели помимо формирования стабильных правил хозяйственной жизни и устойчивого развития общества: «Всенародное обсуждение Конституции – уникальная акция когнитивно-информационного манипулирования, создававшая иллюзорную картину мира, но позволявшая осуществлять реальный контроль и доминирование. Идеология была трансформирована в право, а последнее получило гибкую интерпретацию в интересах власти» [Медушевский, 2017. С. 401]. Помимо прочего, общественное обсуждение нормативных актов позволяло выявить недовольных и инакомыслящих.

Прежде чем рассмотреть особенности конституционного строительства в РСФСР и СССР в те годы, попытаемся ответить на вопрос, зачем вообще это нужно.

¹ А. Н. Медушевский показал, что Советы после Кронштадтского восстания 1921 г. сохраняются в лучшем случае в виде декоративного украшения при номинальном конституционализме [Медушевский, 2017. С. 100].

Зачем нужна конституция

Изучению конституционного строительства посвящено множество работ юристов и представителей других дисциплин. Большой вклад в исследование проблемы связи законотворчества с политико-экономическими и социальными процессами сделали историки и социологи. Свою лепту внесли и экономисты, среди которых следует отметить Дж. Бьюкенена, построившего теорию общественного выбора [Бьюкенен, 1997] и его последователей. В настоящее время сформировалось целое направление конституционной экономики.

С позиций экономической науки человеческая деятельность на индивидуальном или коллективном уровне сопровождается внешними эффектами. Другими словами, наши решения и действия непременно сказываются на положении других людей, что может приводить и обычно приводит к конфликтам. Для устранения или разрешения хотя бы наиболее острых из них приходится либо применять силу, либо договариваться, либо и то и другое.

Необходимы правила, определяющие поведение сторон в подобных ситуациях и снижающие тем самым издержки взаимодействия. Всю систему правил (институтов) сформулировать одновременно невозможно, и следует сначала принять те из них, которые служили бы основой для установления других, т.е., по определению Дж. Бьюкенена, были бы отправными, конституционными. Таким образом он объяснил, зачем нужна конституция с экономической точки зрения.

Другая его идея состояла в том, что для принятия любых правил, особенно конституционных, требуется единогласие или, по крайней мере, одобрение подавляющего числа субъектов. Именно поэтому в конституции фиксируются наиболее очевидные и приемлемые принципы, прежде всего права и обязанности граждан, среди которых важнейшую роль он отводил праву собственности.

Наконец, принятие конституции открывает возможность функционирования представительной демократии, в рамках которой законы принимаются и исполняются специальными организациями в соответствии с конституцией. Очевидно, что в основе теоретических построений Бьюкенена лежала англосаксонская правовая модель. Но и в континентальной модели

подразумевается определенная степень согласия граждан с формальными нормами права, учет традиций и общественного мнения.

Таков общий порядок. Первой писаной конституцией оказалась конституция США, принятая в 1787 г., а в настоящее время они есть в большинстве стран мира. Но и в тех странах, в которых нет конституции как таковой (например, в Соединенном Королевстве), имеет место конституционное право, опирающееся на так называемые конституционные законы. И главное – существуют институты, которые контролируют законодательный процесс и правоприменительную практику в том смысле, чтобы они не нарушали базовые положения, соответствовали их букве и духу.

Фактически двухуровневая правовая система давно трансформировалась в многоуровневую: помимо собственно конституции существуют кодифицированные законодательные акты (кодексы), объединяющие все правовые принципы, относящиеся к одной области права и имеющие приоритет по сравнению с «обычными» законами. Помимо этого, существует множество подзаконных актов: постановлений, распоряжений, инструкций и т.д. По идее, они должны конкретизировать нормы законов, толковать или интерпретировать их, но при этом должны соответствовать и не противоречить законам. Подзаконные акты являются средством реализации законодательных норм, но, опять-таки в том случае, если имеет место разделение властей и независимая юридическая экспертиза.

Общество и государство постоянно меняются, эволюционируют, и это обстоятельство требует внесения изменений в законодательство и принятия множества новых нормативно-правовых актов. Важно, чтобы они опирались на надежную базу и не противоречили друг другу. Государство, особенно современное, представляет собой множество организаций, имеющих разные цели и зоны ответственности, но при этом взаимодействующих друг с другом. Для того чтобы они работали как единый механизм, необходимо разделение властей и ограничение прав каждой из них. Для общества и государства важны стабильность и последовательность проводимой политики, а, следовательно, и правовой системы. Эту стабильность и обеспечивает конституция. Сегодня любой обыватель понимает, что стабильность законодательства или хотя бы его основ является необходимым условием

для снижения неопределенности, возможности просчитать риски и, в конечном счете, для роста благосостояния.

Как писал Адам Смит, для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении. Но, добавим мы, это все не может отдаваться на откуп властей, а должно гарантироваться системой организации власти и, в частности, конституцией при условии, что все органы власти ей следуют. Конституция, гарантирующая права и свободы граждан, открывает возможность для развития гражданского общества и личной инициативы и, следовательно, позволяет задействовать инновационный потенциал общества.

В Российской империи конституции не было, вместе с тем существовало развитое кодифицированное право. С XVIII в. предлагались различные варианты развития России в плане ее социально-политического устройства, характера власти и роли государства в жизни общества. Наиболее известные концепции, сыгравшие немалую роль в развитии общественных наук и обосновании реформ и контрреформ, сменявших друг друга, были сформулированы в первой половине XIX в. В конечном счете большинство отечественных интеллектуалов сходились в том, что стране необходима конституция, закрепляющая основные принципы построения общества и государства.

При этом «западники» признавали приоритет общечеловеческих социальных образцов и моделей на основе рационалистического западного идеала и доказывали необходимость их насильственного внедрения, а «славянофилы», наоборот, убеждали в необходимости естественного и органического развития отечественной культуры за счет доминирования национальных ценностей, образцов, идеалов и традиций².

Немалую роль в развитии общественной мысли и общественных наук играла цензура. Это не слишком затрагивало экономику и право, но социологии повезло меньше. В исследовании «Социология на Западе и в России» М. М. Ковалевский описывал случай, приключившийся с ним на границе при его

² *Зборовский Г. Е.* История социологии: классический этап: учеб. для вузов. Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т». Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2-е изд. испр. и доп. Сургут: РИО СурГПУ, 2014. 211 с. [С. 159–160].

возвращении на Родину. Жандармский полковник обратился к нему со словами: «Нет ли у Вас книг по социологии? Вы понимаете... в России – это невозможно» [Ковалевский, 1997. С. 102]. Дело было в начале XX в.

Тем не менее российская социология все же развивалась – под видом публицистики, и в качестве центральной проблемы рассматривала обеспечение прогресса в обществе, а именно, что считать прогрессом: развитие общества в целом или отдельного человека, и как к нему идти: революционным или эволюционным путем. Если общество, по словам одного из наиболее известных российских социологов П. И. Новгородцева, «существует только в лицах в качестве единственной социальной реальности», то отношения между ними, неизбежно приобретающие нормативный характер, должны соответствующим образом изучаться. Так возникла одна из особенностей российского социологического неокантианства – повышенное внимание, уделяемое ключевой категории – норме. Неслучайно среди представителей этого научного направления оказалось много известных российских правоведов: Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, В. М. Хвостов и др.

Как утверждал Б. А. Кистяковский, вопрос о существовании государственной власти есть вопрос не государственно-правовой догматики, а общего учения о государстве: «Решать этот вопрос мы сможем только тогда, когда наряду с юридико-догматическими исследованиями будут проведены историко-политические, социологические, психологические и философско-идеологические исследования, направленные на государственную власть и ее правовое выражение» [Кистяковский, 1998. С. 260]. Он писал, что «Государство есть известная форма общественной организации. Только там, где существует общество и народ, существует и государство. Но представляя народ в его целом, являясь всепоглощающей организацией его, государство вместе с тем заслоняет собою народ. Оно становится на место народа, рассматривает себя как самоцель и превращает народ в подчиненное себе средство...». И далее: «Деспотизм большинства или всего народа часто бывает не менее жестоким, чем деспотизм одного лица – монарха. В некоторых случаях он даже более ужасен и беспощаден, так как большинство более склонно считать себя непогрешимым, чем каждый человек в одиночку... В конституционном государстве

власть, становясь правовой, принципиально отличается от власти в исторически предшествующих конституционному государству типах государства ... В конституционном государстве власть перестает быть фактическим господством людей и становится господством правовых норм» [Кистяковский, 1998. С. 282–284].

Конституционному правовому государству Б. А. Кистяковский противопоставлял государство полицейское: «Этот вид государственного устройства и государственного управления обыкновенно развивается в более благоустроенных абсолютно-монархических государствах, особенно при господстве просвещенного абсолютизма... Нет другого государственного строя, в котором человеческое достоинство страдало бы так сильно, как в полицейском государстве. Но оскорбляя личность, полицейское государство убивает также всякую личную и общественную инициативу и самостоятельность. Оно заменяет ее детальной и формально-казуистической регламентацией» [Кистяковский, 1998. С. 333].

О Конституции 1918 г.

После принятия в Англии Билля о правах (1689 г.), который стал итогом Славной революции, Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) – важнейшего документа Великой французской революции и Билля о правах США (1791 г.), в просвещенных государствах стало считаться приличным фиксировать в конституции права граждан или какой-то их части. Важно отметить, что эти права ограничивались множеством цензов: имущественных, возрастных, по признаку пола, оседлости и т.д.

Вот и Конституция РСФСР 1918 г. начинается с декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа³, в которой объявляется фактическая национализация земли, природных ресурсов и финансовой системы. Как первый шаг к национализации промышленности вводился рабочий контроль на предприятиях, всеобщая трудовая повинность и провозглашалось всеобщее вооружение трудящихся в виде Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Республика провозглашалась как свободное социалистическое общество трудящихся, но основная задача состояла

³ Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов на заседании от 10 июля 1918 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>

в установлении диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства для подавления иных социальных слоев. Вся полнота власти на местах передавалась советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и провозглашалось право их участия в работе федеральных органов власти. Таким образом, предполагалось, что власть принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах.

Провозглашалась свобода совести, выражения мнения, собраний, союзов. Одновременно лишались прав отдельные лица и общественные группы, которые могли бы нанести вред интересам революции.

Определив государственное устройство в республике как федерацию, Конституция вроде бы обеспечивала построение власти в стране снизу вверх. Но высшей властью провозглашался Всероссийский съезд Советов. При этом он созывался Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) два раза в год. Следует отметить установление различных норм представительства городского и сельского населения и фактически не прямые выборы депутатов. Это позволяло ВЦИК контролировать их состав. Одновременно он становился высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом в РСФСР, формировал Совет народных комиссаров, которому передавал исполнительную власть.

Очень любопытна глава 10. Помня малоприятные для большевиков результаты выборов в Учредительное собрание в 1917 г. (эсэры, представлявшие крестьянство, заняли в нем большинство), они решили установить дифференцированные нормы представительства городских и уездных съездов в пользу первых в соотношении 5:1 и многоэтапность выборов. Дополнял перечень мер по регулированию состава советов раздел 4, определявший активное и пассивное избирательное право и включавший перечень категорий лиц, лишенных избирательных прав. Очевидно, что в него попадали наиболее экономически и политически активные слои. Вводилась громоздкая не прямая и многоступенчатая структура выборов в советы разных уровней (областных, губернских, городских, уездных и волостных), позволявшая многократно и целенаправленно просеивать их состав с точки зрения лояльности программным установкам партии [Медушевский, 2017. С. 195].

О прочности федеративных принципов и правах советов различного уровня можно судить по тексту раздела, посвященного бюджетному устройству. Целью финансовой политики провозглашается экспроприация буржуазии, «...не останавливающаяся перед вторжением в право частной собственности». Одновременно устанавливалась строгая централизация финансовой системы путем объединения всех доходов и расходов в государственном бюджете. Всероссийский съезд советов или ВЦИК определяли доходные и расходные полномочия советов нижнего уровня. Местные советы были обязаны готовить сметы. При этом сметы городских, губернских и областных советов утверждались ВЦИК и Совнаркомом, а сельских, уездных и городских, входящих в уезды, – губернскими и областными съездами или исполкомами. Все расходы, как указывалось, могли быть осуществлены только в соответствии с параграфами и статьями утвержденной сметы и только по прямому назначению, а все дополнительные средства следовало запрашивать у соответствующих комиссариатов. Нетрудно заметить, что такая бюджетная централизация оказалась особенно живучей.

Понять истинное значение и содержание документа можно, только оценив исторический контекст. Как доказывал Ричард Пайпс [Пайпс, 2002], стремление большевиков любыми средствами удержаться у власти, установить диктатуру партии и строить новое общество, сделало Гражданскую войну неизбежной. К моменту принятия Конституции Гражданская война уже шла полным ходом. Историки различаются в датировке начала войны, но после восстания чехословацкого корпуса в мае 1918 г. сомнений о том, что она уже идет, не оставалось.

В составе V съезда советов изначально около 2/3 мандатов принадлежало большевикам. Но к моменту принятия Конституции произошли два знаковых драматических события: убийство германского посла Мирбаха и так называемый мятеж левых эсеров. В результате отстранения левых эсеров и ликвидации их партии дискуссии прекратились, и решения принимались голосами практически одной большевистской фракции.

Как отмечалось выше, в Конституции провозглашалась диктатура пролетариата, но при этом в ней ни слова о такой важной институции, как ВЧК с ее сетью региональных чрезвычайных комиссий, войсками и революционными трибуналами. Последние

при выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и другими опасными преступлениями не были связанными какими-то ограничениями с июня 1918 г.

Хотя смертная казнь была отменена 26 октября в 1917-м, уже в начале следующего года расстрел применялся во внесудебном порядке. В июне того же года был принят декрет об отмене моратория на смертную казнь, и она уже применялась по приговорам революционных трибуналов. Примечательно, что в Конституции практически ничего не говорилось о судебной системе, за исключением упоминания того, что в ведении Всероссийского съезда Советов и ВЦИК находились вопросы законодательства, судостроительства и судопроизводства.

Конституция легализовала прежние решения советского правительства: национализацию земли и других активов, создание жесткой вертикали власти, и открывала дорогу к огосударствлению всех сторон жизни общества. В результате «индивид полностью интегрировался в систему коллективных социальных коммуникаций, единственным выразителем которых становилось идеократическое государство, а когнитивная и правовая автономия личности полностью растворялась в метафизическом постулате об интересах и обязанностях “трудящихся”» [Медушевский, 2017. С. 179].

Слова В.И. Ленина о том, что «социализм – это живое творчество масс, он не создается указами сверху и ему чужд казенно-бюрократический автоматизм» [Ленин, 1962. С. 57], обернулись лишь красивым лозунгом.

Гражданский кодекс⁴

Роль Гражданского кодекса особенно важна, поскольку он по существу является конституцией хозяйственной жизни государства и общества. Первый советский Гражданский кодекс отражал существенные изменения, произошедшие в стране после окончания основной фазы Гражданской войны и перехода к новой экономической политике. Содержание кодекса подробно проанализировано

⁴Гражданский кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 года «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РСФСР_\(1922\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РСФСР_(1922)).

в юридической литературе [Исаев, 2003; Новицкая, 1989], равно как и история его разработки и принятия [Новицкая, 2012].

Разработчики исходили из необходимости признания, хотя бы и не полного, имущественных прав и свободы сделок. В этом смысле ГК существенно отличался от действовавшей в то время Конституции РСФСР. И по понятным причинам был гораздо менее декларативен. Например, вместо термина социализация земли в нем прямо говорилось о том, что земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота. Подтверждалась национализация предприятий и их имущества, но разрешалась сдача их в аренду. В статье 52 указывалось, что наряду с государственной допускалась кооперативная и частная собственность. Правда, последние существенно ограничивались, но на основании концессии, испрашиваемой у правительства, эти ограничения могли быть ослаблены или вообще сняты.

Кодекс подробно регламентировал различные виды сделок, как-то: имущественный наем, купля-продажа, мена, заем, подряд, поручительство и т.д. В нем описывались разрешенные виды предприятий: товарищество (простое, полное, на вере, с ограниченной ответственностью), а также акционерное общество (паевое товарищество). Отдельные статьи посвящены страхованию и обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения или причинения вреда. Важно отметить, что хотя и с ограничениями вводилось право наследования. Так, в статье 416 допускалось наследование по закону и по завещанию в пределах общей стоимости наследственного имущества не более 10 тыс. советских червонцев, за вычетом всех долгов умершего. Впечатляет присутствие во многих статьях отсылки к решениям судов.

Видно, что ряд статей Гражданского кодекса плохо согласуется с действовавшей в то время Конституцией. Это объясняется тем, что в отличие от Конституции в разработке кодексов принимали участие профессиональные юристы и научные работники. Несмотря на жесткий контроль и отрицательное отношение к «буржуазным специалистам», последние смогли убедить кураторов в необходимости большей части разделов и статей, поскольку в ином случае невозможно было создать работающий документ.

П. Стучка описывал результаты работы над текстом Кодекса как «рецепцию буржуазного права Запада в его чистом виде» [Стучка, 1928]. Но он был слишком жестким в своей оценке, поскольку в Кодексе фигурировали монополия внешней торговли, перечень объектов исключительной государственной собственности и ее особая защита, ограничения сфер деятельности и размеров оборота частных предприятий. По сути, Кодекс был необходимым компромиссом между старым дореволюционным правом и вновь создаваемым социалистическим.

Так, в нем были закреплены концентрация в руках государства собственности на большую часть национального богатства и средств производства. Для того же, чтобы хозяйственная деятельность могла осуществляться в рамках хотя и ограниченной, но рыночной экономики (напомним, в 1922 г. была провозглашена новая экономическая политика – нэп), были установлены правовые нормы для рынка, признавались частная собственность и различные формы предпринимательской деятельности.

Вместе с тем в Кодексе не упоминалась реально существовавшая правовая дискриминация предпринимателей-нэпманов, которые, согласно Конституции, относились к группе «лишенцев» (лишенных избирательного и ряда других прав). В период нэпа положение предпринимателей в советском обществе отличалось двойственностью. Будучи одной из самых состоятельных групп, они должны были бы стоять наверху социальной лестницы. Однако сразу после провозглашения новой экономической политики государство установило ряд юридических ограничений, которые существенно подрывали их престиж и статус в обществе. Предприниматели были лишены гражданских прав, а следовательно, не могли принимать участие в выборах, служить на государственной службе и в армии, должны были платить дополнительные налоги и т.д. [Маргиналы..., 2017. С. 143].

В противоречие с Гражданским кодексом в каждом новом законе, принимаемом в стране, оговаривалось, что он действует только в случаях, не противоречащих интересам трудящихся. «Политика правительства постоянно менялась и напоминала игру без правил. В любое время нэпману могли либо предоставить какую-нибудь льготу, либо предъявить обвинение в нарушении закона» [Маргиналы..., 2017. С. 165]. До середины 1924 г. предпринимательство развивалось относительно свободно

и в целом в соответствии с Гражданским кодексом, но после кризиса перепроизводства экономическое и внеэкономическое давление на частника усилилось. Так, Наркомат внутренней торговли начинал практиковать заключение договоров, по которым нэпманам разрешалось покупать товары у государственных организаций, а взамен они обязывались продавать эти товары по ценам, не превышающим установленные пределы. В 1927 г. был введен разорительный для нэпманов налог на сверхприбыль.

Так, в середине 1920-х гг. на всю Сибирь прогремело дело так называемой инициативной группы. Ее члены, крупные предприниматели, планировали создать акционерное общество, которое будет заниматься разработкой золотоносных месторождений в енисейской тайге. Они хотели привлечь как отечественный, так и иностранный капитал. За контакты с иностранцами и «продажу» информации о полезных ископаемых Сибири их судили [Маргиналы..., 2017. С. 153]. Известный специалист в области аграрных отношений в Сибири В. А. Ильиных одним из первых описал механизмы внеэкономического «регулирования» рынков сельскохозяйственной продукции в период нэпа и их роль в провоцировании аграрных кризисов [Ильиных, 1991]. Список примеров можно продолжать.

В ответ на действия государства частники применяли все новые схемы обхода законодательства: уклонение от уплаты налогов, создание фиктивных предприятий и псевдокооперативов, банкротство и т.д. Кроме того, нередко вместо расширения производства нэпманы предпочитали инвестировать в иностранную валюту, драгоценности и «сладкую жизнь». Все это вызывало, очевидно, резко негативную реакцию большей части населения и облегчило впоследствии сворачивание нэпа.

Следует отметить особенности отношения большевиков к нормам писаного права. С одной стороны, они искренне верили в силу писанных законов, регулирующих поведение граждан, с другой – достаточно пренебрежительно относились к любым законам и правилам, когда считали это необходимым для достижения высших целей. Как говорил Никита Пряхин из «Золотого теленка»: «Как порешили, так и сделаем».

В результате законодательство далеко не всегда и не во всем следовало Конституции. Легкость и простота изменения правовых норм, противоречивость законодательства и необязательность его исполнения порождали систему, основанную на принуждении, и создавали ощущение бесправия. В результате у населения формировалась ментальная система, в которой смешивались вседозволенность и ощущение бесправия. С одной стороны, исполнение писанных норм не гарантировало безопасности, с другой – их нарушение позволяло избежать наказания в силу чрезвычайных, объективных или иных обстоятельств непреодолимой силы. Это порождало так называемый правовой нигилизм и неспособность отличить законопослушное поведение от противоправного. До сих пор можно встретить оправдание преступлений той эпохи ссылками на уникальность обстоятельств вне зависимости от того, кто их создал.

В дальнейшем в Советской России принимались другие конституции, правовая система, и особенно правоприменительная практика, менялись быстро и радикально. Но роль конституционного и кодифицированного права оставалась чисто номинальной, они не стали общественным благом, а их обсуждение и принятие превратились в инструмент пропаганды и мобилизации масс [Velikanova, 2018].

Литература

Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы; гл. ред. кол. Р. М. Нуреев и др. М.: Таурис Альфа, 1997. 560 с.

Ильиных В. А. Спрос и предложение в гостях у большевиков: экономика на хлебном рынке // ЭКО. 1991. № 6. С. 109–117.

Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2003. С. 663–667.

Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. (Русская социология XX века) СПб.: РХГИ, 1998. 800 с.

Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997. С. 102.

Ленин В. И. Ответ на запрос левых эсеров. Полн. собр. соч., Т. 35. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 599 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / Ю. И. Голиков, С. А. Красильников, В. И. Пинкин и др. Изд. 2-е. (История сталинизма) М.: Политическая энциклопедия, 2017. 598 с.

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. Серия Humanitas. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

Новицкая Т. Е. Кодификация гражданского права в Советской России, 1920–1922 гг.: учеб. пособие / Т. Е. Новицкая; МГУ им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. М.: Изд-во МГУ, 1989 (1990). 120 с.

Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: История создания. Общ. характеристика. Текст. Приложения / Т. Е. Новицкая. Серия «Памятники советского законодательства» М.: Зерцало-М, 2012. 264 с.

Пайнс Р. Э. Ленинизм // Коммунизм = Communism. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 201 с.

Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Введение в теорию гражданского права. М.: Издательство коммунистической академии, 1928. 231 с.

Velikanova O. Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton: Palgrave Macmillan, 2018. 260 p.

Статья поступила 05.10.2022

Статья принята к публикации 10.10.2022

Для цитирования: *Клисторин В. И.* Номинальное право в Советской России: Конституция 1924 г. и Гражданский кодекс 1922 г. // ЭКО. 2023. № 1. С. 8–23. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-8-23

Summary

Klistorin, V.I., *Doct. Sci. (Econ.). E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru*

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

Nominal Law in Soviet Russia: 1924 Constitution and 1922 Civil Code

Abstract. The paper considers the problem of institutional arrangement in the RSFSR after the end of the civil war and during the initial period of economic recovery. A necessary condition for sustainable economic development at that time was the adoption of codified laws, including the Civil Code. But the legal system at that time was largely nominal, which was reflected in the contradiction of many of its norms to the Constitution of 1918 and in their selective application. The Civil Code of 1922 included a number of provisions that later served as limitations to the development of the national economy. It contained no guarantees of equality of forms of ownership, maintained the monopoly of foreign trade and the concentration of most of the national wealth in the hands of the state. At the same time certain elements of private property and freedom of transactions were permitted. It is concluded that the legal system created at that time did not imply almost any restrictions on the activities of the authorities and thus did not correspond to the idea of a state governed by the rule of law, which had serious socio-economic and political consequences.

Keywords: *Constitution; Civil Code; rule of law; judicial system; state property; private property; concessions; new economic policy; legal nihilism; RSFSR*

References

Buchanan, J.M. (1997). Essays. Series: Winners of the Nobel Prize for Economics. Vol. 1. Moscow. Taurus Alpha Publ., 560 p. (In Russ.)

Ilyinykh, V.A. (1991). Supply and Demand at the Bolsheviks: Economy of the Grain Market. *ECO*. Vol. 6. Pp. 109–117. (In Russ.).

Isaev, I.A. (2003). *History of State and Law in Russia*. Moscow. Jurist Publ., Pp. 663–667. (In Russ.).

Kistyakovskiy, B.A. (1998). *Philosophy and Sociology of Law*. St. Petersburg: RHGI Publ., 800 p. (In Russ.).

Kovalevskiy, M.M. (1997). *Sociology in the West and in Russia*. Moscow. P. 102. (In Russ.).

Lenin, V.I. (1962). *Response to the Request of the Left SRS*. Complete works, vol. 35. Moscow, State Publishing House of Political Literature. 599 p. (In Russ.).

Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s) (2017). Moscow, Political Encyclopedia Publ., 598 p. (In Russ.).

Medushevskiy, A.N. (2017). *Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions, Forms of Social Mobilization in the XX Century*. Moscow and St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ. 656 p. (In Russ.).

Novitskaya, T.E. (1989). *The Codification of Civil Law in Soviet Russia, 1920–1922*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, (1990), 120 p. (In Russ.).

Novitskaya, T.E. (2012). *The Civil Code of the RSFSR of 1922: the History of Creation. General Characteristics*. Moscow, Zertsalo Publ., 264 p. (In Russ.).

Pipes, R.E. (2002). *Communism: A History (2001)*. Moscow. Moscow School of Political Studies Publ. 201 p. (In Russ.).

Stuchka, P.I. (1928). *Course of Soviet Civil Law. Introduction to the Theory of Civil Law*. Moscow, Publishing House of the Communist Academy. 231 p. (In Russ.).

Velikanova, O. (2018). *Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936*. Denton, Palgrave Macmillan Publ., 260 p.

For citation: Klistorin, V.I. (2023). Nominal Law in Soviet Russia: 1924 Constitution and 1922 Civil Code. *ECO*. No. 1. Pp. 8–23. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-8-23